

Вадим Синявский — человек-легенда, знаменитый спортивный радиокomentатор, чья популярность в 40 — 50-х годах достигла небывалых высот. Футбольные репортажи Синявского из Великобритании в 1945 году о матчах игравшего там московского «Динамо» стали классикой. Без преувеличения можно сказать, что в то время его имя знал каждый живущий в нашей стране.

Сегодня мы публикуем отрывки из неопубликованной пока книги о Вадиме Синявском (1906 — 1972), написанной журналистом Герольдом СЕНКЕВИЧЕМ, многие годы работавшим вместе с ним во Всесоюзном радиокomitee. Речь в них идет о малоизвестных страницах жизни популярного радиокomentатора, касающихся в основном его работы на фронтах Великой Отечественной войны. В канун 55-летия Великой Победы вспомним добрым словом майора Вадима Синявского.

«Внимание! Внимание! Говорит Москва! Наш микрофон на московском стадионе «Динамо». Так начинал свои репортажи пионер спортивной отечественной радиожурналистики Вадим Святославович Синявский. В чем же секрет удивительного обаяния, которым владел Вадим Синявский? Он был талантлив. Его нельзя было спутать ни с кем по голосу — голосу с характерной хрипотцой. В его репортажах удачно сочетались и талант рассказчика, и дар импровизатора, и остроумие спортивного эрудита. Свои репортажи по радио Синявский вел не для безликой массы слушателей, а для каждого персонально.

В своих репортажах он был находчив, ироничен, смел в суждениях. И при этом весьма тактичен.

От своих первых репортажей, в которых его рассказ со стенографической точностью и скоростью следовал за полетом мяча, с годами он поднимался до высот искусства — репортажей классически стройных, публицистических, точных по мысли, образных, ярких. Миллионы болельщиков, людей старшего и среднего возраста, хорошо помнят его блестящие репортажи с футбольных полей нашей необъятной страны. Одним они привили любовь к футболу, других научили его понимать и уважать...

А когда пришла лихая година, он весь свой опыт вкладывал в репортажи, теперь уже не с зеленых полей стадионов, а с перепаланных, искореженных гусеницами фашистских «Пантер», «Фердинандов» полей жестоких битв. За его плечами тяжкий путь военного корреспондента «Последних известий» Всесоюзного радиокomitee с причитающимися фронтовику наградами, ранением. В качестве военкора «Последних известий» он побывал на Западном, Калинин-

ском, Севастопольском, Брянском, Сталинградском (Донском), Ленинградском, 1-м, 2-м Белорусских, Степном, 1-м Украинском фронтах, в партизанских лесах... Вадим Святославович не оставил воспоминаний. Его жизненный, творческий путь сегодня пришлось собирать по крупицам...

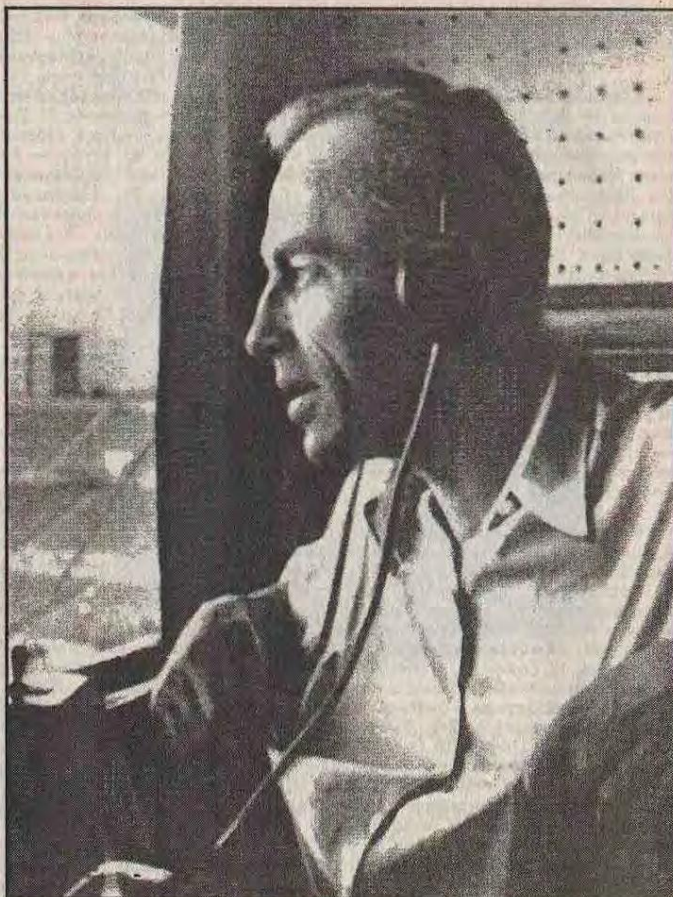
16 июля 1929 года в 5 часов 30 минут утра на всю страну прозвучал впервые переданный по радио урок гимнастики. Вел его Вадим Синявский. А вскоре он был принят в редакцию физкультурного вещания на должность редактора специальных спортивных передач.

А несколько раньше был день, когда Вадим Синявский впервые произнес в эфир: «Внимание! Внимание! Говорит Москва. Наш микрофон на московском стадионе «Динамо»!»

Поводом для первого футбольного репортажа 26 мая 1929 года с новой спортивной арены Москвы стал матч футболистов РСФСР и Украины, посвященный делегатам V съезда Советов, утвердившего первый пятилетний план народного хозяйства СССР.

Теперь репортажи Вадима Синявского о футбольных встречах могли слушать сотни тысяч радиослушателей.

«Беспрерывная вереница трамваев, густо облепленных живыми гроздьями, выбрасывала у стадиона «Динамо» тысячи болельщиков футбола — так начиналась небольшая заметка в «Радиопрограмме» о футбольном матче Турция — Москва, проходившем в 1931 году. — Один из крупнейших стадионов Советского Союза — «Динамо» — не мог вместить всех желающих. Тысячи москвичей оказались «за бортом» стадиона. Но на помощь пришел Вадим Синявский. Вместе с москвичами спортивной горячкой теперь болели ленинградцы, киевляне, ивановцы, смоляне, архангельцы...»

ОДИССЕЯ МАЙОРА СИНЯВСКОГО

В июле 1937 года в Москву из Испании приехали баскские футболисты.

В многочисленных письмах в Радиокomitee слушатели благодарили Центральное радиовещание за организацию трансляций футбольных матчей с участием испанских футболистов. В Киеве, например, последний матч команды «Спартак» с басками 8 июля коллективно слушали по радио собравшиеся на стадионе «Динамо» восемь тысяч человек! Болельщики выражали огромную признательность Синявскому и отмечали, что он — опытный радиореporter, умеющий образно рассказать радиослушателям о наиболее ярких деталях игры.

Аудитория радио расширялась с каждым годом, и к началу 40-х годов спортивные репортажи могли транслироваться и приниматься более чем

через четыре миллиона радиоточек.

19 июня 1941 года Вадим Синявский, как и обычно, находился в своей комментаторской кабине на стадионе «Динамо». В эфир шел его репортаж о встрече московских динамовцев с футболистами сталинградского «Трактора». Думал ли он, увлекшись событиями на зеленом поле, о том, что скоро в его судьбе произойдет поворот на сто восемьдесят градусов...

Синявский выехал в Киев на торжественное открытие нового республиканского стадиона, где 22 июня 1941 года должен был состояться футбольный матч между местными динамовцами и ЦДКА. В четыре часа утра фашисты бомбили Киев. Началась война. Спортивный праздник, разумеется, не состоялся.

Вадим Синявский добрался до Радиокomitee только к ве-

черу 23 июня. В этот день началась мобилизация. Не дожидаясь ее официального объявления, многие сотрудники Радиокомитета записывались в Красную Армию добровольцами. Покидали редакцию «Последних известий» и новоиспеченные военные корреспонденты. На Юго-Западный фронт отправились Павел Мануйлов, Александр Фетисов, Евгений Барский. На Псковское направление отбыл Василий Ардаматский. Распрощавшись с футболом, уехал на Западный фронт Вадим Синявский, а вслед за ним и Юрий Арди.

Из рассказов старейших работников «Последних известий» известно, что с первых дней войны корреспонденции Вадима Синявского с Западного фронта шли в эфир ежедневно.

«И я, и Вадим старались в своих информативах передать то, что видели своими глазами, — рассказывал Ю. Арди. — В течение дня успевали побывать в нескольких подразделениях. И везде нас встречали очень радушно. Особенно любили на передовой Вадима Синявского. Он был хорошим рассказчиком, и вокруг него всегда собиралось много бойцов. Популярностью он пользовался необыкновенной. Ему легче было собрать нужный материал для корреспонденции. Бойцы раскрывали перед ним свою душу. А это для нас, журналистов, всегда удача».

— С первых дней, как началась война, на моем рабочем столе перед глазами постоянно были корреспонденции, заметки Вадима Синявского, — вспоминал один из редакторов «Последних известий» Борис Романович Скориков. — В сентябре, когда окончилось Смоленское сражение, Синявский появился в районе Можайска и Малоярославца, откуда и стали поступать его информации с этого участка Западного фронта. Дважды он звонил из Тулы и говорил о крайне тяжелом положении города.

8 октября Вадим Синявский передает из-под Можайска: «Два дня тому назад здесь была деревня. Теперь груды развалин. Это результат трехдневного пребывания в ней фашистов. Сегодня она отбита у врага. У самой дороги валяется рыжеволосый эсэсовец. Его шея укутана панталонами. В руках дощечка с надписью карандашом: «Сражен красноармейцем Ягодкиным».

Листаю подборку корреспонденций с фронта за октябрь

Октябрь 1942 года.
Майор Вадим СИНЯВСКИЙ
 перед вылетом на Сталинградский фронт.

1941 года и вижу, что в этом месяце Синявский побывал почти во всех родах войск, принимавших участие в Московской битве.

Синявский: «Слушай, славный город Ленинград! Говорит Москва! Говорит Москва! В эти грозные дни москвичи восхищаются героической обороной Ленинграда, гордятся боевыми подвигами защитников города. Подлый враг просчитался, окровавленный фашистский зверь зарылся в земляки, притаился в болотах на подступах к вашему городу. А еще несколько дней назад фашисты на весь мир визжали о том, что они победителями войдут в Ленинград. Гитлер обещал своим бандитам удобные квартиры и тепло. Не вышло... Героическая оборона Ленинграда служит нам, москвичам, примером».

Тысячи горожан — металлостов, врачей, актеров, студентов, домашних хозяек — вступили в боевые отряды. Они уже вышли на подступы Москвы. Москва в эти дни живет напряженной, но бодрой и полнокровной жизнью. Плечом к плечу, сердцем к сердцу, стальной стеной мы окружили наши родные священные города. И враг расшибет лбы о неприступные стены Ленинграда и Москвы!»

Несмотря на близость фронта, в Москве состоялось торжественное собрание, посвященное 24-й годовщине Октябрьской революции, и традиционный парад войск на Красной площади.

«Накануне праздника меня срочно вызвали с фронта в Москву, — пишет Вадим Синявский. — Было сказано: завтра, 7 ноября, предстоит вести репортаж с Красной площади о военном параде. И вот начался тот памятный парад в осажденной Москве. Семен Михайлович Буденный принял рапорт и поднялся на трибуну. Видно мне было плохо: снег валил хлопьями. Перед тем как командовать техникам о переключении на микрофон Мавзолея, сообщаю радиослушателям: «К микрофону подходит Маршал Советского Союза...» — и вдруг вижу, что к микрофону подходит не Буденный, принимающий парад, а Сталин. Однако сориентироваться я все-таки успел...»

С Красной площади войска уходила на передовую.

Как-то в разговоре о войне Синявский вспомнил один эпизод из своей военной биографии. Пока он изучал обстановку в районе обороны, которую держали уральские и сибирские

части, немцы перерезали шоссе, ведущее в Москву. Добраться с готовым материалом для «Последних известий» оказалось невозможно. Когда нашим частям все же удалось отеснить врага, образовался узкий «коридор», связывающий фронт со столицей. По этому простреливаемому гитлеровскими автоматчиками пути и двинулись обратно на редакционную «эмке» Синявский с шофером. Шофер загоразивался саперной лопаткой со своей стороны, Синявский — со своей. Так и проскочили...

Ведя репортажи с Западного фронта, не мог Синявский не узнать о воинах — бывших спортсменах, не встретиться с ними и не рассказать об их ратных делах. В одной из частей он разыскал заслуженного мастера спорта конькобежца Василия Афанасьевича Ипполитова.

«В свое время все европейские газеты печатали многочисленные снимки Ипполитова, называя его «русским чудом», и подробно описывали «ипполитовский стиль» бега, — писал Синявский в своей заметке. — Сейчас его прекрасно знают в части командира Трофимова. Шофер по специальности, Ипполитов ушел на фронт добровольцем в первые дни войны. Санитарную машину он водит безукоризненно...»

Листаешь страницы микрофонных папок за январь 1942 года, мелькают даты, и создается впечатление, что военкор Синявский вообще не покидает редакционную машину. Почти все выпуски «Последних известий» открываются словами: «Наш специальный корреспондент Вадим Синявский передает...»

Севастополь! В конце февраля 1942 года Синявский вместе с военным корреспондентом Юрием Арди и звукооператором Натаном Розенбергом оказывается здесь в центре боевых действий.

Обстоятельства сложились трагически...

«С первых дней обороны Севастополя на Малаховом кургане моряки установили пушки, снятые с подбитого миноносца «Совершенный», — вспоминал Вадим Синявский. — Орудия втащили на курган на салазках тракторами. Фашисты били по кургану из тяжелых осадных орудий. Как только огневой налет кончался, моряки-артиллеристы опять начинали свою смертоносную работу. Тогда враг бросал на защитников города десятки пикировщиков. Курган был весь изъеден воронками, как клеванная птица-ми переспелая вишня. Налет

кончался, и моряки отвечали огнем...»

Первого марта Вадим Сиявский и звукооператор Натан Розенберг сквозь огонь, грохот, пороховую гарь поднялись на Малахов курган к артиллеристам, где одной из батарей командовал капитан-лейтенант Матюхин. «Говорит осажденный Севастополь!» Это было все, что успел произнести репортер. Рядом разорвалась мина. Натан Розенберг убит. Вадим Сиявский тяжело ранен. Осколком поражен левый глаз.

— С фронта Вадим писать не любил. Предпочитал являться сам, — рассказывала мне его сестра Валентина Святославовна Сиявская. — Поэтому о ранении никто в доме не знал. И вот в один прекрасный день он приехал из Сочи, где, оказывается, лежал в госпитале. Загорелый, худой, с черной повязкой на лице, в черной морской шинели. Мама бросилась к нему со словами: «Вадик, что с глазом?» — «Ничего, мама. Его просто нет», — очень спокойно ответил Вадим.

Потом началась борьба за спасение другого глаза, который был забит мельчайшей каменной крошкой, образовавшейся от разрыва мины в скальном грунте кургана. Все же окулисты московской клиники сделали все возможное и невозможное и правый глаз отстояли...

Немного окрепнув за три месяца после ранения, в июне 1942 года Сиявский вместе с Юрием Арди опять прорывается в Севастополь.

«Сиявский: «Слушай, страна! Говорит Севастополь!»

Слушайте нашу передачу из осажденного города.

Обороняя город, моряки-черноморцы воскресили и умножили боевые традиции героических защитников обороны Севастополя 1854 — 1855 годов. Подступы к Севастополю стали могилой фашистских захватчиков и румыно-итальянских прихвостней. Севастополь непобедим!»

С чувством исполненного долга уходили с нашими войсками из Севастополя в Новоросийск Вадим Сиявский и Юрий Арди. С защитниками города они делили все тяготы осады и держали в курсе севастопольских событий миллионы радиослушателей. Через несколько дней отважные военкоры вернулись в Москву. Но ненадолго.

1 августа 1942 года военный корреспондент редакции «Последних известий» В.С. Сиявский «выбыл в командировку на Брянский фронт».

«Сегодня на поле брани отличился молодой грузин старшина Гельдашвили», — сообщает Сиявский в Москву и подробно рассказывает о том, как этот старшина незаметно подкрался к вражескому взводу и двумя противотанковыми гранатами уничтожил его гарнизон.

— В Радиокomiteте мы встретились с Вадимом в середине октября 1942 года, когда он только что вернулся с Бря-

нск до командиров полков, дивизий, армий — хорошо его знали и, конечно, всеми силами старались помочь Вадиму Сиявскому быстрее попасть на передовую, поближе к главным событиям войны, куда он всегда стремился...

В эти дни Вадим Сиявский рвался на Сталинградский фронт. Все силы гитлеровской армии были брошены на прорыв к Волге и Кавказу. Обстановка на фронтах была критической.

В вечерние сумерки на фронтовом аэродроме приземлились шесть самолетов. Они доставили на волжский берег

ский с предписанием обеспечить его радиосвязью с Москвой. Он нам сразу понравился, его никогда не покидали чувство юмора и оптимизм. В морской шинели он выглядел молодцевато. Часа через два после его появления была решена продовольственная проблема. И началась работа. Сиявский буквально заваливал нас корреспонденциями. И все срочно, срочно... Трудиться приходилось по восемнадцать — двадцать часов в сутки, но мы не чувствовали усталости, и все его материалы передавались в редакцию без промедления».

К 1943 году Сиявский стал одним из опытных радиожурналистов, его популярность военкора, пожалуй, не уступала славе спортивного комментатора.

Из воспоминаний Сиявского:

«Меня и Николая Стора разбудил телефонный звонок. Поднял нас начальник штаба армии, накануне изрядно замученный нашими вечерними расспросами. И теперь, зная корреспондентскую ненасытность, он тут же поделился новостью: фельдмаршал фон Паулюс готов сдаться. Единственное его условие — чтобы его взял в плен офицер чином не ниже генера-

рала. Генерал, который должен был пленить Паулюса, разрешил нам поехать вместе с ним. И вот мы уже идем по узкой тропинке через незаминированную площадь. (Теперь она называется «Площадь павших бойцов»). Здесь полегло много наших ребят. Так вот, идем через нее. Впереди — четверо автоматчиков, за ними — переводчик, генерал, я, Стор и еще несколько бойцов. Мы прошли в ворота, где нас встретили вооруженные эсэсовцы и полковник.

Адам — личный адъютант Паулюса. Он козырнул и повел нас в подвал. Да, этот путь был не из приятных, хотя и продолжался всего несколько минут и был равен ста пятидесяти метрам. Наш провели в большую комнату, где было много офицеров из окружения фельдмаршала. Эта комната — помещение склада под универмагом. Возможно, раньше здесь хранились детские игрушки...

Прошло несколько минут, и мы услышали голос нашего генерала: «Прошу сдать оружие!» И на большой круглый стол по-

1942 год. Военный корреспондент Всесоюзного радиокomiteта СИЯВСКИЙ (второй слева) в Сталинграде.

ского фронта, а меня вызвали на несколько дней с Воронежского, — вспоминал бывший военный корреспондент «Последних известий» Павел Иосифович Мануйлов. — Выглядел Сиявский очень плохо — давало о себе знать ранение, полученное в Севастополе, — но старался держаться бодро и не переставал шутить. Мы все удивлялись его необыкновенной оперативности. С ним никто из нас, военных корреспондентов Всесоюзного радио, не мог соперничать. Он всех опережал. Как же это у него получалось? Тут ответ один: хорошим помощником ему была его собственная необыкновенная популярность. Ведь на фронте во всех родах войск были страстные футбольные болельщики и почитатели таланта Вадима как спортивного репортера. А до войны футбол был самым любимым видом спорта. Поэтому можно легко себе представить, сколько фронтовиков — от шофера, механика-водителя тан-

консервированную кровь, предназначавшуюся раненым под Сталинградом. С этим же рейсом прилетел из Москвы Вадим Сиявский.

Он увидел город, превращенный в сплошные развалины. Горели жилые кварталы, госпитали, организованные в школах больницы. Были выведены из строя телеграфная и междугородная телефонная станции, центральный радиоузел. Вся магистральная радиосеть города была разрушена уже в первые дни бомбежек. Но работники центрального радиоузла сумели обеспечить защитников города и население радиовещанием. Связь с Москвой не прерывалась.

Из письма оператора сталинградской радиостанции М. Феофанова: «Когда бои развернулись в самом городе, мы вместе со своей радиостанцией были переброшены в Николаевск, за Волгу, а позднее — в Среднюю Ахтубу. В это время к нам и приехал майор Сияв-

сыпались пистолеты. Адам предупредил, что Паулюс нездоров и одевается в соседней комнате. Затем он пригласил нас пройти к фельдмаршалу. Переводчик представил нас по всей форме. Единственный в истории генерал-фельдмаршал, попавший в плен, спросил, указывая на нас: «А это кто такие?» И, узнав, что мы корреспонденты Московского радио, попросил извинить его от нашего присутствия.

Пришлось перейти в соседнюю комнату, где уже появились наши офицеры. Паулюса провели по коридору мимо большой группы эсэсовцев. Садясь в машину, он снял высокую фуражку и надел теплую шапку. Мы поехали в штаб армии. По обочине дороги брели на юг, взявшись за руки, тысячи пленных гитлеровцев. Чего только не было на них надето: женские шубы, платки, шали, валенки — так была обмундирована непобедимая гвардия фон Паулюса. В помещении штаба мы уже установили микрофон. И скромный шорифон-труженик ожидал начала записи первого официального допроса фельдмаршала. Тут мы разделались. Стор остался на допросе, а я помчался на узел связи. Я диктовал девушке-оператору, которая сидела за аппаратом Бодо. Она не сказала мне ни слова, но ее большие, широко открытые глаза лучше всего говорили о сенсационности материала. Минут через пятнадцать после начала сеанса связи с Москвой нас перебили. Это было Информбюро. Оно просило согласия немедленно передать нашу корреспонденцию за рубеж. Естественно, что возражений не было, и я дал согласие за себя и за Николая Стора.

Когда допрос закончился, Паулюсу предложили пообедать. Ведь уже несколько дней он сидел без горячей пищи. Теперь можно было пообедать и нам». Это было 31 января 1943 года.

Пройдет два с половиной года, и в Москве состоится Парад Победы. Знакомая обстановка для Вадима Синявского. Все здесь напоминает ему о том историческом параде в ноябре 1941 года...

Среди тех, кто вел по радио репортаж с Красной площади 24 июня 1945 года, был и Вадим Синявский. Позже он вспоминал: «Не берусь передать, как велика была радость, переполнявшая нас, участников Парада Победы, видевших, как одно за другим валяются фашистские знамена к подножию Мавзолея В.И. Ленина. Мне в том репортаже достался как раз тот мо-

мент, когда на брусчатку падали знамена гитлеровских дивизий, разгромленных под Сталинградом».

В лихорадке праздничных награждений о майоре Синявском, вероятно, забыли, но через два года вспомнили, и в конце 1947 года к медалям Вадима Святославовича «За оборону Москвы», а также Севастополя, Сталинграда добавился орден Красной Звезды за работу военным корреспондентом.

данно Вадим Святославович предложил остановиться. Мы притормозили на обочине, заглушили мотор — и вдруг услышали соловья. Синявский задумчиво слушал. Возможно, он мысленно перенесся в ту березовую рощу, где была им сделана легендарная запись клятвы гвардейцев-танкистов перед Курским сражением в 1943 году...

Подполковник в отставке профессор Г. Гендлер, бывший

намеревался записать рассказы героев-танкистов, а также клятву гвардейцев. Мне как работнику политотдела бригады поручили оказать помощь корреспонденту. Совместно мы составили что-то вроде сценария. Один из репортажей должен был обязательно начинаться с пения знаменитых курских соловьев. Это была идея Синявского. Нам пришлось ночью забраться с микрофоном в густую березовую рощу и ждать утра. Нужно сказать, что соловьи пели великолепно! Наверное, в честь Вадима Синявского...

«Несколько раз все же удалось послушать у армейских радиостов свои репортажи, где вместо марша я дал запись пения соловьев, — как-то рассказал мне Синявский. — Я и не ожидал, что получится так здорово. Газетчики потом говорили, что я со своими соловьями опять всех обскакал. Они сумели очень уж разукрасить комплимент в мой адрес — может быть, они переоценили нашу с Алешей работу (имеется в виду Алексей Спаский, звукооператор. — Г.С.). Перехвалили нас. Хотя многим действительно понравилось. И на других фронтах еще долго меня встречали не иначе как «курского соловья».

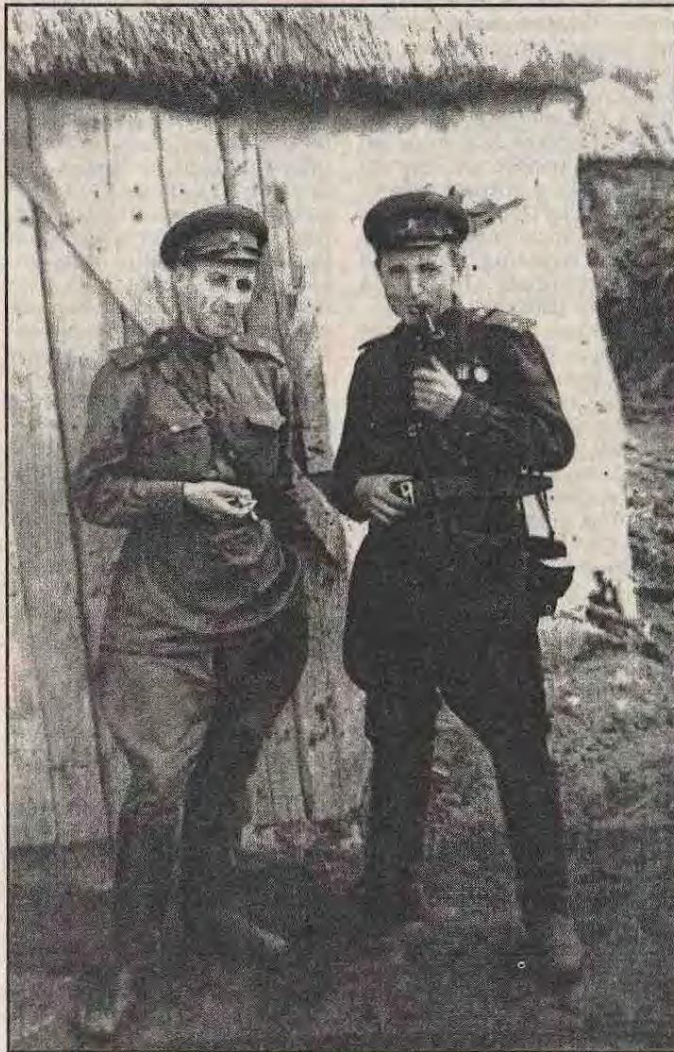
После короткой передышки «военный корреспондент «Последних известий» В.С. Синявский откомандирован на Ленинградский фронт. Срок командировки — пятнадцать дней». И вот 17 сентября 1943 года Синявский выезжает в Ленинград, но добраться туда он сумел только через пять дней.

Из письма бывшего военного корреспондента, ветерана Ленинградского радиокomiteта Л.Е. Маграчева:

«Вадим прилетел в Ленинград на каком-то военном самолете с посадками в пути. Мы вместе отправились на передний край обороны города. Это было рядом. В районе Пулковы попали под страшный обстрел и почти час, прижавшись друг к другу, лежали в воронке от снаряда, не смея поднять головы, ибо кругом творилось нечто несусветное.

Потом был у нас с Вадимом так называемый аэростатный эпизод. Помню, что поднялись мы на аэростате из Пулковы. На катушке было около семи-десяти пяти метров микрофонного кабеля, и, естественно, выше подняться мы не могли. В корзине аэростата нас было двое. Репортаж — обозрения о панораме блокадного города — вани дуэтом. Продолжался репортаж минут пятнадцать».

Поездку на 1-й Украинский фронт вспоминает писатель Ва-

Июль 1943 года. Перекур на Курской дуге. Вадим СИНЯВСКИЙ — слева.

Страшная война мало кого пощадил; она унесла миллионы жизней, оставила тысячи сирот. Не обошла она стороной и Вадима Синявского. В эвакуации, в Алма-Ате, умерла десятилетняя дочь Наташа — для заболевшей крохи не было лекарств. Под Сталинградом погиб брат Юрий Святославович Синявский.

Однажды, уже через много лет после окончания войны, ехали мы с Синявским в подмосковный пионерский лагерь. Утро было теплое. По обеим сторонам шоссе — березы. Неожиданно

помощник начальника политотдела 1-й танковой бригады по комсомольской работе, вспоминал, как в конце июня — начале июля 1943 года танковая бригада готовилась к очередным боям, на этот раз в районе Курской дуги, близ шоссе Обоянь — Белгород. Неожиданно у нас, рассказывал Гендлер, появился Вадим Синявский со звукозаписывающей аппаратурой. Политотдел находился в селе Владимировка. Здесь и остановился Вадим Святославович. Был он очень общителен, доброжелателен, энергичен. Он

силий Ардаматский: «Всесоюзный радиокomiteет послал под Киев целую бригаду. Кроме звукооператора Юлиана Терпецкого, в нее входили Лев Кассиль, Вадим Синаевский и я. Мы ехали туда из Москвы на машине. В деревне Красилровка, где располагалась часть подразделений Украинского фронта, нас тотчас принял совсем молоденький полковник, который, узнав, что перед ним Лев Кассиль, как-то приободрился и сказал немного смущенно:

— Смотри, «Швамброния» пожалавала.

По его возрасту было видно, что читал он эту книгу не так уж давно. А узнав, что перед ним Вадим Синаевский, он просто оторопел и неожиданно спросил:

— Как там Якушин из «Динамо»? Жив, здоров?

И, не дождавись ответа и только сейчас, видимо, заметив, что Синаевский в военной форме, добавил:

— Ничего, товарищ майор Синаевский, мы с вами еще поболеем за «Динамо».

После Киева фронтовые дороги привели военкора Синаевского к белорусским партизанам. А вскоре он — уже в наступающих частях, которые продвигались с боями вперед, освобождая Прибалтику...

В освобожденном Каунасе друзья-журналисты собрались, чтобы отметить тридцативосьмилетие Синаевского. Вдруг телеграмма: «Синаевскому немедленно вылететь в Москву». Это было 10 августа 1944 года.

В редакции ему объявили: «Все, Вадим, переходим на мирные рельсы. Будете вести репортажи об играх на Кубок СССР по футболу».

Через несколько дней он вылетел в Сталинград. Вот уж не думал, что так скоро встречу опять с Феофановыми, говорил мне Вадим Святославович, показывая любопытную фотографию, сделанную осенью 1944 года в Сталинграде. Наладить связь с Москвой оказалось делом очень непростым, хлопотным. Ведь все вокруг разбито. Но именно из Сталинграда была задумана трансляция товарищеского футбольного матча между командами «Трактор» и «Спартак» (Москва).

Из письма бывшего вратаря «Трактора» В.В. Ермазова:

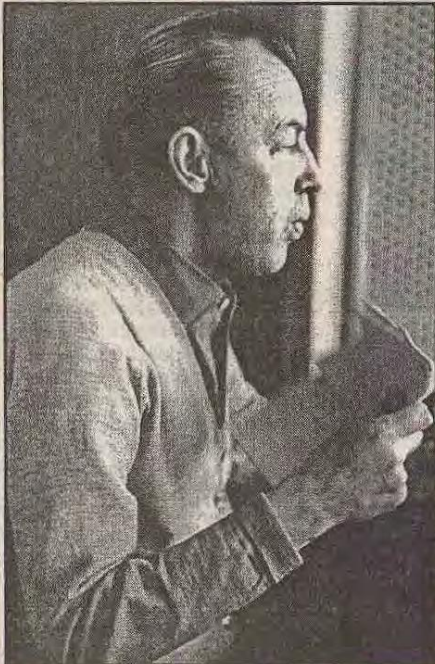
«Во время тренировки на стадион Сталинградского тракторного завода приехал мой хороший товарищ из Управления связи, Валентин Федорович Феофанов, и сказал, что репортаж о нашей игре будет вести сам Вадим Святославович Синаевский. Что через пару дней он прибедет в Сталинг-

рад. Нужно срочно создать ему все необходимые условия, так как транслировать репортаж будут все радиостанции Советского Союза. Мы еще по старой памяти называли стадион то место, где до войны действительно был замечательный спортивный городок. Но в дни битвы за город от него остались только контуры.

И нужно было видеть, с каким желанием сталинградцы готовили стадион: ровняли искорверканное войной футбольное поле, восстанавливали трибуны. День и ночь здесь стучали топоры, звенели пилы. Связисты тянули свои провода, электрики — свои. На крыше разбитого снарядами дома, стоящего рядом с одной из трибун, соорудили из фанеры что-то похожее на комментаторскую кабину. Мы все хорошо знали, что Вадим Синаевский не один месяц провел в окопах на Сталинградской земле и передавал сообщения по радио о грандиозной битве, поэтому встретили его очень тепло. А когда после матча он встретился с нами, то радости не было конца. Мы слушали его рассказ о фронтовых репортажах, о том, в каких условиях приходилось их проводить. Это был человек героической судьбы, большой личной отваги и удивительной скромности».

27 августа 1944 года он вел репортаж о футбольном матче из Москвы со стадиона «Динамо». Задолго до начала матча вереницы москвичей спешили к стадиону «Динамо». Еще издали видны аншлаги: «Все билеты проданы!» Закончились все приготовления. Пять часов дня. Судья Саар вызывает на поле участников финального матча на Кубок СССР по футболу — ленинградскую команду «Зенит» и московскую — ЦДКА. В пятый раз в истории советского футбола разыгрывается Кубок СССР. На трибунах московского стадиона «Динамо» пятьдесят тысяч болельщиков. Сейчас начнется игра...

— Верить ли, когда ехал на этот репортаж по Ленинградскому шоссе, — как-то сказал мне Синаевский, — думал о том, что совсем рядом был здесь зимой сорок первого передний край нашей обороны. И вообще так получилось, что с Ленинградским шоссе связана моя жизнь. Из редакции на «Динамо» — по этой дороге. За фронтовыми репортажами — опять же с ней. Еще не кончилась война, а она — самый короткий путь от Радиокomiteета до стадиона. Да и жил я, сам знаешь, на Беговой улице, а затем на Масловке. Бывает же так в жизни...

ЗАВЕТЫ МАСТЕРА

его пониманию спорта.

Радиокomiteет должен дать информацию о самом факте, а уж потом, если успеет, его оценку. Своим рассказом он, как правило, отвечает на вопросы, что происходит и как. Телекомментатор может ограничиться только оценкой действия, а основной вопрос, на который ему предстоит ответить в репортаже, — почему? Спортивный радиожурналист — это, как правило, репортер. Тележурналист — критик. Он освобожден от необходимости пересказывать сюжет (ведь он развивался на глазах у зрителя), но зато обязан вскрыть «тайные пружины» спортивного действия, раскрыть эстетику спорта, психологию, архитектуру, объяснить зрителям мотивы поступков спортсменов...

Многим нашим комментаторам не хватает профессиона-

лизма, ответственного отношения к своему репортажу, к зрителям. Сегодня, смотришь, комментатор ведет репортаж о хоккее, завтра — о футболе: один тайм — по радио, другой — по телевидению. Где уж тут готовиться к передаче серьезно, искать что-то свое, особенное. Ну скажите, разве вам доставляет удовольствие на телевидении такой комментарий, который иначе чем стенограммой полета мяча не назовешь?.. А происходит это оттого, что наш брат, спортивный комментатор, порой проникается уверенностью, что микрофон, дескать, сам по себе обладает некой магической силой и все, что ни скажешь, получается весомым, значительным. А потому, мол, нет необходимости ни в спортивной специализации, ни в поисках своего видения, понимания, толкования спорта. Ничего подобного! Банальность, размноженная в нечетном количестве репродукторами, все равно банальность, хотя порой и создает иллюзию значительности.

Вот и случается, что человек, который сносно разбира-

ется, скажем, в тяжелой атлетике, уже комментирует и фигурное катание, и баскетбол, и бокс, и теннис... И о сложных вещах говорит с тем большей легкостью, чем меньше он в них разбирается...

Комментатор не имеет права вести репортаж с позиции болельщика, ибо, вольно или невольно, он дезинформирует слушателя, дает тенденциозные оценки... Вообще слово, сказанное в микрофон, обладает огромной силой, и представьте, как тактичен, предусмотрителен должен быть комментатор...

Что касается соблюдения норм русского языка, то я думаю так: неловко сказанная фраза — это, по-моему, не такая уж беда, и лучше оговориться, формируя мысль «на глазах» у слушателя, чем красиво и гладко прочесть, сколько раз команды встречались между собой, кто и когда забил голы.

...Были ли у меня излюбленные приемы в репортажах? Были, но вспомнить их сейчас трудно: они, как мотыльки, живут один день. Вспомните, как Николай Озеров целую минуту кричал: «Го-о-о-о-о-о-л!», когда наша сборная забила решающий мяч. Это было отлично.

Вадим СИНАЕВСКИЙ.
1967 год.